

НЕ БОЯТЬСЯ КРАСОТЫ

В Москве начался сезон французского театра в СССР, посвященный 200-летию Великой французской революции. Почетное право его открытия получила трагедия Пьера Корнея «Сид» — спектакль Культурного центра Бобиньи (Париж) и Национального театра Марселя, о котором мы сегодня рассказываем.

С тех пор как один из героев «Бани» Вл Маяковского, обращаясь к работникам театра, просил их «сделать нам красиво», минуло шесть десятилетий. За эти годы многие так и не вняли его призывам. Зато другие до того переусердствовали, что иногда в театр и вовсе идти не хочется: такая там грязь, серость и убожество — в прямом и переносном смысле слова...

В этом отношении «Сид» — приятная неожиданность, своеобразное исключение из общего правила. Учитывая, что и сам Корнель использовал сюжет испанского драматурга Гильена де Кастро, постановщик спектакля Жерар Десарт, оставаясь верным автору, попытался перенести время и место действия. По его словам, у него «перед глазами возникло подобие австро-венгерской столицы Вены конца прошлого столетия».

Три с лишним часа зрительный зал замороженно слушает одну из первых французских трагедий, в которой возникает жесточайший внутренний конфликт между кровной мстостью и чувством любви. Казалось бы, что нам за дело до всех этих переживаний, если уже Белинскому они представлялись несовременными?! Но, видимо, есть у театра особое свойство: он может таким образом повернуть любое классическое произведение, что нам остается только удивляться.

Думаю, причину успеха нового «Сида» следует искать не в какой-то особенной трактовке (режиссер и сам ее отрицает), но в том, как неожиданно спектакль этот вписывается в общий контекст нынешней театральной жизни, какой великолепный урок высочайшей театральной культуры и подлинного профессионализма он являет сам по себе. Хотя проблемы корнелевского конфликта не могут быть ограничены определенным временем, они существовали и будут существовать всегда, лишь проявляясь всякий раз по-новому.

Когда смотришь спектакль, не знаешь, чему отдать предпочтение: изобретательности и вкусу художника Пьера Диоса, его помощников по свету Жерару Жилло и Жану-Франсуа Тушару, постановщику сцен боя Раулю Бийере, реквизиту Алена Мерло или актерам, занятым в бессловесных ролях офицеров, но ведущих себя так, что мы тут же вспоминаем известное изречение К. С. Станиславского: «Нет маленьких ролей, есть маленькие актеры».

Наконец, назовем главных «виновников» успеха: Кароль Ришер — Химена (откуда в этой французской актрисе такой необычайной силы внутренний, постоянно взрывающийся темперамент?!); Габриель Форест — Инфанта (вот кружевница!); Жак Забор — Король (он умеет не только повелевать, но и слушать); Самюэль Лабарт — Сид (конечно, все и без бинокля заметили, до чего же он красив, статен, как великолепно двигается. Но мне бы хотелось обратить особое внимание на то, как умеет актер любить, что дано на сцене далеко не каждому).

Удачное начало сезона французского театра в СССР одновременно с чувством естественной признательности к его организаторам заставляет меня задать им один деликатный вопрос: отчего так дороги стали цены на билеты? Ведь это же не гастроли Гранд-опера или Ла Скала с огромной труппой и оркестром, а самый что ни на есть обыкновенный хороший драматический театр, к тому же работающий в рабочем квартале Парижа. Конечно, прежде бы об этом никто не спросил. Но в наши дни, почему бы и не полюбопытствовать?

Говорю это не в упрек гостям. К ним, как и многие, испытываю лишь чувство благодарности за то, что они преподали урок красоты, которой, оказывается, вовсе не надо так уж бояться.

Б. ПОЮРОВСКИЙ.